

*Olga O. Sekiro**О.О. Секиро*

**LEXIC COMBINATION WITH
ADJECTIVE *ORGANICHESKIJ*
IN I.S. AKSAKOV'S PUBLICISM:
ORGANICHESKIJ POROK AND
*ORGANICHESKAYA FAL'SH***

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ
С ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ
ОРГАНИЧЕСКИЙ В
ПУБЛИЦИСТИКЕ И.С. АКСАКОВА:
ОРГАНИЧЕСКИЙ ПОРОК И
*ОРГАНИЧЕСКАЯ ФАЛЬШЬ*¹**

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей функционирования сочетаний существительных *porok* и *fal'sh* с прилагательным *organicheskij* в публицистических текстах И.С. Аксакова. В ходе исследования осуществляется анализ семантики данных сочетаний в структуре словесных рядов, что позволяет определить их роль в выражении славянофильских взглядов, которые разделял автор.

Ключевые слова: русский язык, русский язык XIX века, публицистика XIX века, И.С. Аксаков, лексическая сочетаемость, семантика

Summary. This article is dedicated to the combinations of nouns “porok” and “fal'sh” with the adjective “organicheskij” and the peculiarities of their functioning in I.S. Aksakov's journalistic works. The analysis of these words combinations' semantic has been implemented being based on the concept of word rows in the study, which allowed to define their role in an expression of slavophilia's position, which was taken by this author.

Keywords: the Russian language, the 19th century Russian language, the 19th century journalism, I.S. Aksakov, lexic combination, semantic

Построение общей истории русского литературного языка XIX века невозможно без анализа семантики и функционирования лексических единиц в публицистическом дискурсе. Во-первых, значительную часть общего корпуса текстов данного периода составляют именно публицистические тексты («нет стороны в обществе, которая бы теперь не жила бы в ней <прессе> и ею» [Белинский 1955 5: 626]); во-вторых, для историка языка публицистика вообще представляет особый интерес, потому что «жанры литературной критики и публицистики были той благодатной почвой, на которой в процессе столкновения различных по своей природе средств скорее всего определялись сдвиги в семантике, фразеологических связях и стилистической тональности слов» [Сорокин 1965: 41].

В связи с потребностью формирования общественно-политического языка многие термины, заимствованные из различных сфер и дисциплин, развивали в публицистике новые значения, обозначая явления социально-политической жизни; в новом контексте они, «...сохраняя своё узкоспециальное значение, подвергаются различного рода образно-переносным осмыслениям» [Лексика 1981: 115–116].

Для настоящего исследования из широкого круга сочетаний с прилагательным *organicheskij* в публицистических произведениях И.С. Аксакова (его высокая частотность в текстах автора позволяет говорить о семантической зна-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00413 «Русский язык в медиапространстве XIX века»).

чимости данной лексики) были выбраны *органическая фальшь* и *органический порок*; оба сочетания имеют в своем составе термины, в публицистике подвергнувшиеся переосмыслению. Целью исследования было определение особенностей формирования семантики данных лексических сочетаний при функционировании в конкретных текстах.

Анализ функционирования упомянутых сочетаний со всей очевидностью позволил установить, что выявленные семантические особенности определяются ролью сочетаний в структуре «словесных рядов» (по В.В. Виноградову), поскольку словесный ряд «образуется языковыми средствами, обеспечивающими взаимосвязи компонентов текста, их единство» [Папаян 2009: 121] и эти языковые средства могут представлять «последовательность языковых единиц разных ярусов» [Горшков 2008: 155].

Роль указанных сочетаний в создании смыслового целого текста, по нашему предположению, заключается в том, что они являются средством выражения авторского замысла. В случае публицистического текста под «авторским замыслом» можно понимать определенную идеологическую позицию, которую разделяет автор-публицист. Таким образом, с точки зрения функционирования нас будет интересовать: 1) роль изучаемых компонентов словесных рядов в выражении славянофильских взглядов И.С. Аксакова; 2) то, каким образом они позволяют публицистическому тексту реализовывать такую стратегию, как воздействие на адресата: «...для автора-публициста задача адекватного прочтения и понимания созданного им публицистического текста тесно связана с задачей воздействия на адресата: читатель должен <...> включить ее как составную часть в собственную картину мира», которая «должна трансформироваться в заданном автором-публицистом направлении» [Клушина 2008: 22].

Особенности «словесных рядов» и их компонентов предопределены не только жанровой формой и взглядами автора, но и особенностями лексической системы языка того периода, в который были написаны изучаемые тексты. Поскольку «...формирование и создание нового понятия или нового понимания предмета осуществляется на базе имеющегося языкового материала» [Виноградов 1977: 162–189], в этой связи важно было рассмотреть основные вехи семантической эволюции компонентов изучаемых сочетаний.

История развития значения прилагательного *органический* в XIX веке имела ряд особенностей, связанных с тем, что данное прилагательное соотносилось не с существительными *организация* или *орган*, как в XVIII столетии [Веселитский 1972: 124–128], а со словом *организм*. Уже «в первые десятилетия XIX в. <оно> выступает в значении ‘совокупность частей живого тела’ (в ряду с *органическое тело*, *организация*) и в переносном смысле ‘единое целое’» [Веселитский 1972: 128]. «В публицистической и научной прозе 30–40-х гг. слово *организм* было известно и в другом употреблении. Оно обозначало также совокупность любых явлений, имеющих закономерное внутреннее развитие. Именно в этом смысле с 30–40-х гг. употребляется также и прил. *органический* (в противоположность механическому). В этом смысле говорилось и об организме общества, государства, науки, языка и т. п.» [Сорокин 1965: 431–432]. При этом «оба употребления <...> слова были тесно связаны между собою»; «эти посто-

янные метафоры, эти сознательные сопоставления живого организма с организмом общественным, государственным и т. п. занимали центральное положение. Именно они облегчали и объясняли во многом появление новых переносных осмыслений у многих слов-терминов биологии и медицины» [Там же]. Как полагал Ю.С. Сорокин, словарное значение ‘одаренный чувственными орудиями’ (Сл 1847 3: 77) «явно отстает от живого употребления» [Сорокин 1965: там же].

В контексте славянофильского публицистического дискурса на развитие семантики прилагательного *органический* оказала влияние одна из идей немецкого романтизма («особый путь» России соответствует *Deutscher Sonderweg*). Понятие «органической формы», противопоставленной форме «механической», было философски определено немецким романтиком А. Шлегелем еще в первых десятилетиях XIX века: «form is mechanical when, through external force, it is imparted to any material merely as an accidental addition without reference to its quality <...>. Organical form, again, is innate; it unfolds itself from within, and acquires its determination contemporaneously with the perfect development of the germ» [Schlegel 1892: 340]. Сама «форма» при этом «...gives a true evidence of its hidden essence» [Там же], «as long as it is not disfigured by any destructive accident» [Там же]. Заметное влияние немецкого романтизма на генезис тех идеологий, которые сформировали картину русской интеллектуальной жизни XIX столетия, позволяет предположить, что русские публицисты были знакомы и с данной концепцией.

Лексическая система русского языка отличалась от современного ему немецкого тем, что метафизический язык в ней только формировался, отвлеченные значения еще не приобрели такой степени абстракции. Поэтому универсальная философская идея «формы» при заимствовании сузилась до обозначения общественно-политических явлений, что мотивировало появление описанной Ю.С. Сорокиным метафоры организма-государства. Именно на основе данного метафорического уподобления развивается семантика прилагательного *органический* в текстах И. Аксакова, как будет показано ниже.

Что касается развития семантики существительного *порок*, то в XVIII – первой половине XIX века словари фиксируют у слова два значения. Первое связано с душевным недостатком: ‘преклонность души ко злу, къ дѣлу достойному порицанію: отступленіе отъ правилъ добродѣтели. Въ семъ смыслѣ противуполагается добродѣтели, чистотѣ души’ (САР¹ V: 131); ‘отступленіе отъ правилъ добродѣтели. Въ семъ смыслѣ противуполагается добродѣтели’ (САР² V: 6); ‘наклонность къ дурному, обратившаяся въ привычку; предосудительный поступокъ’ (Сл 1847 3: 373). Второе значение обусловлено телесным изъяном: ‘недостатокъ, несовершенство въ сложеніи, въ составѣ тѣла’ (САР¹ V: 131); ‘недостатокъ, несовершенство въ сложеніи, въ составѣ тѣла или члена какого’ (САР² V: 6); ‘тѣлесный недостатокъ’ (Сл 1847 3: 373).

Семантика ‘телесного недостатка’ реализуется в калькированном с латыни (*vitium organicum*) сочетании *органический порок*. Первые его фиксации можно наблюдать в переводных и оригинальных медицинских сочинениях 20–40-х гг. XIX века: (1) *Когда болѣзнь сія не зависитъ отъ какого нибудь органическаго порока, то можно надѣяться излѣченія оной употребленіемъ раздра-*

жающихъ мазей <...> [Мондат: 44]; (2) Причины сей болѣзни не извѣстны: трупосѣченіями часто ничего не открывається; иногда однако находимы были явственныя **органическіе пороки**, а именно меланотическій наростъ около бродящаго нерва, гдѣ сей низходитъ при сердцевой сумкѣ къ лёгочнымъ венамъ. [Сокольскій: 197]; (3) Посему суженіе отверстій сердца (*ostia*), препятствующее свободѣ кроводвиженія и задерживающее кровь въ полостяхъ сердца, есть обыкновенная причина и сложность сего **органическаго порока** [Там же: 232]; (4) При упорности болѣзнь можетъ причинить **органическіе пороки** въ сердцѣ частымъ механическимъ растяженіемъ сей внутренности.. [Там же: 190]; (5) Заключимъ: 1-е) Что органическія поврежденія мозга, открытыя по смерти сумасшедшихъ, большею частію бывають причиною сумасшествія и что случаями, въ которыхъ съ нѣкоторою точностью можно предсказывать присутствіе **органическаго порока** въ лимфатической и кровеносной системахъ и почитать оныя производящею причиною умственнаго разстройства, можно назвать только тѣ, въ коихъ сумасшествію предшествуетъ, или современенъ какой нибудь знакъ поврежденія органической жизни; такими знаками можно почестъ параличь, ударъ, падучку [Пинель: 376].

Функционирование сочетания *органический порок* в медицинских текстах, как правило, применялось по отношению к проблемам, связанным с *сердцем, мозгом, легкими* или в контекстах описания половой системы; данное сочетание в терминологическом смысле приобретает семантику ‘источника болезни или ее причины’ (см. цит. 2). Чаще всего «органический порок» бывает врожденным, но его возможно и приобрести (см. цит. 4). Для дальнейшего анализа необходимо прояснить особенности семантики слов *порок* (Медиц.) и *болезнь*. САР¹ определяет *болезнь* как ‘то состояніе тѣла въ животномъ живущемъ, когда оно сродныя ему дѣйствія не можетъ производить такъ, какъ оныя производить въ состоянїи здоровомъ’ (САР¹ 1: 279). Таким образом, *болезнь* и *порок* семантически противопоставлены друг другу как факт строения организма и факт его функционирования: «порок» создает такие условия органической среды, которые делают невозможным ее нормальное функционирование. Также *болезнь* и *порок* противопоставлены друг другу как «внешнее» и «внутреннее»: внутреннее нарушение в строении, например, делает возможным внешнее заражение.

Термином, пришедшим из другой сферы, а именно юридической, является существительное *фальшь* — немецкое заимствование. Первую фиксацию этого слова находим в САР² со ссылкой на существительные *ложь, обман* (САР² 6: 1100, 1822). В значении ‘подделки’, которое имеет юридический смысл данного существительного, оно появляется в Сл 1847: ‘обманъ, невѣрность, подделка’ (Сл 1847 4: 384). Примеры употребления слова в текстах первой половины XIX века (значительная часть их — тексты законов) показывают функционирование данного термина: (1) ... а ежели гдѣ печатныхъ грамотъ неимѣется, то давать и письменныя, о чемъ в Епархіи, въ Духовную Дикастерію, въ Московскую типографію изъ Святѣйшаго Синода и указы посланы; а понеже по нѣкому имѣющемуся въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣлу въ дачѣ письменныхъ грамотъ явилась фальшь, то чтобы впредь изъ письменныхъ грамотъ

каковыхъ фальшивостей быть не имѣло... [ПСЗ III: 391]; (2) Впрочемъ поступать браковщикамъ, какъ присяжнымъ и удостоеннымъ довѣрія людямъ, безъ всякаго пристрастія, подлога и фальши, и довольствоваться имъ одними браковыми деньгами, и кромѣ ихъ, отнюдь никакихъ другихъ ни съ покупателей, ни съ продавателей не требовать [ПСЗ XIV: 271–272].

Функционирование заимствованного существительного в качестве термина объясняется тем, что заимствования не имеют развитой сети образных коннотаций, переносных значений, затрудняющих однозначность, которая требуется, например, в тексте закона. В 40-е гг. наблюдается расширение употребительности данного существительного, которое приобретает общую семантику ‘внешней подделки’ (изначально подделка грамоты или купюры предполагает прежде всего подделку внешнего вида). Как показывают примеры, с такой семантикой *фальшь* употребляется в контекстах, где описывается зрительное восприятие: *Я могъ бы и самъ пуститься выплясывать, хотя и не учился вовсе, ступать не умѣлъ; но мнѣ, бывшему въ Санктпетербургѣ, все сошло бы съ рукъ; если бы и фальшь какая замѣчена была, не почли бы за фальшь; подумали бы, что такъ должно выкидывать ногами по-Санктпетербургски* [Квитка-Основьяненко 1840: 128–129].

Последующие этапы эволюции значения существительного *фальшь* осуществлялись в структуре публицистического дискурса. Мы рассматривали особенности этой динамики на примере текстов И.С. Аксакова с учетом семантической корреляции с сочетанием *органический порок*.

Дальнейшая эволюция семантики сочетания *органический порок* связана с метафорическим переосмыслением медицинского термина. Терминология широко использовалась в переносных значениях при обозначении общественно-политических явлений. В структуре публицистического дискурса употребление терминов выполняет две функции: во-первых, способствует информированию читателя, во-вторых, воздействию на него. Те явления, которые изучают естественные науки и которые обозначаются терминами данных дисциплин, представляют собой факты реальной действительности. Читатель может представить такие явления зрительно. Ассоциации с ними, таким образом, увеличивают выразительную силу такой метафоры. Примеры метафорического осмысления данного медицинского термина находим в публицистических текстах И.С. Аксакова. «Словесные ряды» (выделены нами подчеркиванием здесь и далее — *О.С.*) позволяют актуализировать те особенности семантики, которые мотивированы метафорически: *Это напоминает намъ тѣхъ наивныхъ художниковъ и романистовъ, которые непременно хотѣли въ русскомъ мужикѣ видѣть пейзажа, для русскаго разбойника добивались «красоты» бандита, и которымъ до страсти желалось бы имѣть право похвастаться передъ Европой, что вотъ-де и Русскій народъ одинаково зараженъ тѣми же пороками и недугами, которыми страждутъ народы романо-германскаго происхожденія.* [Аксаков¹: 346]; *Если это возможно было въ странахъ, потрясенныхъ и зараженныхъ революціоннымъ духомъ, то какъ неизмѣримо легче положеніе правительства в Россіи, гдѣ «не смотря на недуги насъ удручающіе и пороки насъ искажающіе, таятся въ душахъ сокровища разумной готовности и преданной*

дѣятельной мысли, которые ждуть—не дождутся, чтобы чья нибудь сочувственная рука умѣла ихъ признать, собрать и употребить въ дѣло [Аксаков²: 334].

В обеих приведенных цитатах в составе «словесных рядов» наблюдается актуализация связи значений порока и болезни, недуга, а также семантики, унаследованной от функционирования данного слова в медицинском дискурсе.

В других цитатах актуализируется связь с нравственным значением: Пусть читатель самъ, совѣсть котораго непрѣменно поднимаетъ въ его памяти всѣ образы нашихъ общественныхъ золь и пороковъ, — задается вопросомъ: также ли годенъ этотъ нашъ мирный арсеналь, какъ <...>, напимѣрь, арсеналь военнаго министерства, снабженный оружіемъ для военнаго, не гражданскаго дѣла, для дѣйствія внѣшней и грубой силы? [Аксаков³: 244]; И такъ пусть строится рать, собирается казна и куется оружіе, — Россіи нужно ещё другое оружіе, другое богатство, — подъемъ очищеннаго духа, подвигъ, подвигъ свободной мысли, вѣдѣніе и видѣніе всѣхъ своихъ общественныхъ грѣховъ и пороковъ, твердая рѣшимость возродиться въ правдѣ и истинѣ [Аксаков⁴: 119].

Органический порок как ‘внутреннее несовершенство в строении общественного организма’ реализуется в следующем примере: Развѣ доктрина о папской непогрѣшимости, извращающая основную истину христіанской вѣры, противорѣчащая, по словамъ самой же программы, и Св. Писанію, и ученію древней вселенской церкви — только недостатокъ, который римская церковь может легко исправить, а не органическій порокъ, называемый папизмомъ, отъ котораго надлежитъ ей очиститься не наружно только, но и внутренно? [Аксаков⁵: 229]

Метафорическое переосмысление сочетания органический порок наблюдается также в следующем примере: Между тѣмъ сама постановка вышеупомянутаго вопроса (сдѣланная нами, думаем, вполне правильно) приводитъ необходимо к заключенію, что если законныя дѣтища современной цивилизаціи, во всеоружіи знанія и культуры, творятъ и исповѣдуютъ насиліе, тираннію, злодѣйство въ самомъ гнусномъ его образѣ, хотя и с учеными приемами, — значитъ, во 1-хъ, что цивилизація и знаніе сами по себѣ не застраховываютъ челоѣчество отъ одичанія и звѣрства и, во 2-хъ, что въ современной цивилизаціи есть какой-либо органическій порокъ, способствующій ложному направленію челоѣческой мысли и воли [Аксаков⁶: 708].

В данном контексте обнаруживается связь «органического порока» как причины и «ложного направления» как внешней «болезни», препятствующей нормальному функционированию динамического общественного процесса, имеющего «направление». Определение ложное семантически связано с семантикой лексемы фальшь. В текстах И.С. Аксакова встречаются и другие примеры подобного сближения: Все что есть элементовъ отрицанія въ Россіи, все что есть джи и фальши, все, натужась, напрягшись до крайняго своего выраженія, сольется, сосредоточится въ этой пѣсни въ одинъ колоссальный, чудовищный, потрясающій диссонансъ [Аксаков⁷: 574].

Сближение порока и фальши, где они противопоставлены как «внешнее» и «внутреннее», представлено в следующем контексте: *Но вѣдь «Русь», какъ знаютъ читатели, ни къ кому съ такимъ упрекомъ и не обращалась; напротивъ, она сама предпослала характеристикѣ старыхъ судовъ слѣдующий отзывъ о новыхъ: «при всемъ сочувствіи къ «Уставамъ 1864 г., нельзя же отрицать въ нихъ не только несовершенство, но и присутствія элементовъ фальши, заимствованныхъ преимущественно отъ французскихъ образцов, — а потому и разоблаченіе въ печати этихъ пороковъ и фальши полько полезно»* [Аксаков⁸: 524].

Определение фальши как пришедшего извне заболевания, помимо приведенного примера, можно обнаружить в следующем: *Но положимъ, вся эта фальшь происхождения явнаго, происходитъ отъ грубаго, цѣликомъ, заимствованія извѣстныхъ чужихъ формъ; можно, замѣтятъ намъ, иностранныя слова перевести по-русски, можно помочь горю введеніемъ формъ, которыя вы сами признаете за русскія, напр. Самоуправленія* [Аксаков⁹: 430].

В данном контексте на «внешнее» происхождение «фальши» указывает существительное заимствование. Противопоставление фальши как «внешнего недуга» и «внутреннего болезненного бессилия» наблюдается в структуре «словесных рядов» следующего примера: *Сколько лицемѣрія, фальши, притворнаго благородства, грошевой гуманности и мудрости, съ одной стороны, — сколько дряблости и рыхлости нравственной и бессилія внутренняго съ другой — во всеѣхъ этихъ кликахъ, возгласахъ и трактатахъ о Сѣверозападномъ краѣ, наводнившихъ столбцы и «Виленскаго Вѣстника», при редакціи г. Де-Пуле, и газеты «Вѣсть», и газеты г. Куркора «Новое Время», и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» съ ихъ «Письмами изъ Вильны!»* [Аксаков¹⁰: 496].

Слово фальшь в составе сочетания *органическая фальшь* наблюдается в следующем примере, в котором реализуется относительное значение прилагательного («фальшь» в отношении общественного организма): *...что есть какая-нибудь органическая фальшь в нашемъ развити, которая осуждаетъ на бессиліе исполнскія силы нашего организма* [Аксаков¹¹: 189].

В результате проведенного анализа можно сформулировать следующие предварительные выводы относительно семантических особенностей сочетаний с прилагательным *органический* в публицистике И.С. Аксакова:

1. Формирование лексических сочетаний *органический порок* и *органическая фальшь*, которые в публицистике И.С. Аксакова функционируют как идеологемы, репрезентирующие взгляд славянофила на характер общественного развития, тесным образом связано с семантической историей слов, образующих их, в процессе эволюции русского литературного языка.

2. «Словесные ряды» (*дряблость и рыхлость нравственная, бессиліе внутреннее, общественный грех, общественное зло, несовершенство*), формирующие, согласно авторскому замыслу, лексическую композицию текста, свидетельствуют о наличии в семантике существительного *порок* дополнительных коннотаций идеологического характера. На метафорическую конструкцию (Медиц. *органический порок*) накладывается осмысление порока в рамках христианской этики, и в результате в публицистическом дискурсе произведений

И.С. Аксакова *органический порок* приобретает семантику 'внутреннего нравственного несовершенства, дряблости и рыхлости общественного организма'. Можно сказать, что в идеологеме осуществляется некий синтез социокультурных смыслов, развившихся эволюционным путем.

Контексты со словом *фальшь* показывают семантическую связь с лексикой в составе другого «словесного ряда» (*ложь – ложное направление – лицемерие – притворное благородство – грошевые гуманность и мудрость*), *фальшь* возникает в результате «заимствования чужих форм», является «недугом», которым общество «страждет», который членов общества «удручает», «искажает». Если логически последовательно выстроить данные компоненты, представленные дискретно в текстах, то можно реконструировать тот смысл, который приобретает существительное *фальшь* в текстах И.С. Аксакова: она имеет семантику 'искажающего общественный организм недуга, который появился вследствие внешнего заимствования чужих форм' и является 'ложным направлением в его развитии'.

3. Определить характер семантической дистрибуции изучаемых единиц можно следующим образом: внутренний (органический) порок, реализующийся в «нравственной дряблости и рыхлости», является причиной для заражения «недугом» *фальши* извне, при заимствовании чужих форм; данный «недуг» задает ложное направление развитию организма государства. Таким образом, словесный ряд, в структуру которого входит изучаемое сочетание, выражает авторский замысел, идеологические установки. С точки зрения славянофилов, заимствование западных форм цивилизации является неверным, «искажающим» природу русской государственности. Заимствование является «фальшью», так как представляет собой «подделку» чуждых форм общественного устройства, которые нарушают его функционирование. Общество «заражается» чуждыми формами из-за внутреннего несовершенства, неспособности распознать благое и дурное.

4. Нравственное измерение, которое сформировалось у существительного *порок* исторически, связано с оценкой, ценностной характеристикой явления. То есть неспособность отличить благое от дурного приводит к тому, что заимствованные западные формы общественного устройства ложно оцениваются положительно, хотя таковыми они не являются. Таким образом, исторически сформировавшиеся особенности семантики используемых лексических единиц *порок* и *фальшь* ('подделка' и 'оценка') наравне с авторским замыслом играют значительную роль при формировании смысла целого текста.

5. Публицистический жанр изучаемых текстов определяет следующее: именно в структуре публицистического текста термины *органический порок* (Медиц.) и (*органическая*) *фальшь* (Юрид.) подвергаются метафорическому переосмыслению при обозначении общественно-политических явлений. Те сферы, откуда пришли данные термины, способствуют формированию у читателя следующих представлений: связь *органического порока* со сферой медицины формирует отношение к описываемому общественному организму как к больному, нуждающемуся в лечении. С другой стороны, переосмысление термина

фальшь, пришедшего из юридической среды, заставляет читателя смотреть на заимствование чуждых русской государственности форм как на преступление.

6. Семантическая корреляция *порока* и *фальши* как 'внешнего' и 'внутреннего' связана с функционированием их в составе сочетаний с прилагательным *органический*. «В связи с общей тенденцией к формированию категории качества и отвлеченности в первой трети XIX в. продолжается развитие качественных значений у некоторых прилагательных...» [Лексика 1981: 96], кроме того, «...развитие культуры, общественной мысли и идеологии приводят к формированию новых понятий и их обозначений в языке. В связи с созданием "метафизического" языка появляются отвлеченные значения у существительных и качественные значения у ряда относительных прилагательных и причастий» [Там же: 90]. В структуре сочетания *органический порок* реализуется качественное значение (порок является внутренним качественным свойством организма). Напротив, в структуре сочетания *органическая фальшь* прилагательное реализуется в относительном значении («фальшь в отношении организма» как нечто внешнее). Данные примеры иллюстрируют связь развития лексико-грамматических и лексических значений.

Источники

- Аксаков¹ — Аксаков И.С. Как понимает газета «Вѣсть» собственные свои строки // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Славянофильство и западничество. 1860–1886. Т. 2. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886.
- Аксаков² — Аксаков И.С. Фёдор Иванович Тютчев. Биографический очерк. М.: Тип. В. Готье, 1874.
- Аксаков³ — Аксаков И.С. Как бороться нам с полонизмом // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Польский вопрос и Западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. Т. 3. Тип. М.Г. Волчанинова, 1886.
- Аксаков⁴ — Аксаков И.С. В предположении войны // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Польский вопрос и Западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. Т. 3. Тип. М.Г. Волчанинова, 1886.
- Аксаков⁵ — Аксаков И.С. Письмо к доктору богословия Деллингеру // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. 1860–1886. Ст. из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», и три статьи, вышедшие отдельно. 2-е изд. Т. 4. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903.
- Аксаков⁶ — Аксаков И.С. Цивилизация и христианский идеал // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Славянофильство и западничество. 1860–1886. Т. 2. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886.
- Аксаков⁷ — Аксаков И.С. По поводу смерти городского главы Чичерина // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Славянофильство и западничество. 1860–1886. Т. 2. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886.
- Аксаков⁸ — Аксаков И.С. О двух началах права // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. 1860–1886. Ст. из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», и три статьи, вышедшие отдельно. 2-е изд. Т. 4. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903.
- Аксаков⁹ — Аксаков И.С. Отсутствие исторических традиций в наших правительственных учреждениях // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Славянофильство и западничество. 1860–1886. Т. 2. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886.
- Аксаков¹⁰ — Аксаков И.С. По поводу назначения генерала Потапова // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Польский вопрос и Западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. Т. 3. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886.

- Аксаков¹¹ — Аксаков И.С. Против национального самоотречения и пантеистических тенденций в статьях В.С. Соловьева // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. 1860–1886. Ст. из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», и три статьи, вышедшие отдельно. 2-е изд. Т. 4. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903.
- Квитка-Основьяненко Г.Ф. Пан Халявский. Ч. 2. СПб.: Тип. Е. Фишера, 1840.
- Мондат В.М. О бесплодии мужчин и женщин и о средствах к излечению оною. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1826.
- Пинель Ф. Врачебно-философическое начертание душевных болезней, сочиненное Филиппом Пинелем, профессором Медицинского факультета в Парижском университете и главным врачом госпиталя Сальпетриерской. М.: Тип. И. Решетникова, 1829.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской Империи: Собрание второе: [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года]. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830–1885. 55 т. Т. III: 1828. СПб., 1830. Т. XIV. Отд. первое: 1839. СПб., 1840. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/nodes/260-polnoe-sobranie-zakonov-rossiyskoy-imperii-sobranie-vtoroe-s-12-12-1825-po-28-02-1881-v-55-ti-t-s-ukaz-spb-1830-1885>. (дата обращения: 08.09.2020)
- САР¹ — Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: в 6 ч. СПб., 1789–1794.
- САР² — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб., 1806–1822.
- Сл 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Репр. изд.: в 2 кн. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. Кн. I (Т. I, II). 928 с.; Кн. II (Т. III, IV). 1092 с.
- Сокольский Г.И. Учение о грудных болезнях, преподавшее в 1837 году в Отделении врачебных наук Московского университета слушателям 3-го, 4-го и 5-го курсов доктором и профессором Григорием Сокольским. М.: Унив. Типогр., 1838.

Литература

- Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. / АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкин. Дом). М., 1953–1959.
- Веселитский В.В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. / Отв. ред. Н.Ю. Шведова; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1972.
- Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / Отв. ред. В.Г. Костомаров; АН СССР, Отд. лит. и яз. М., 1977.
- Горшков А.И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. М.: Изд-во Лит. ин-та, 2008.
- Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дис. ... д. филол. наук. М., 2008.
- Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века / Отв. ред. Ф.П. Филин; АН СССР. М.: Наука, 1981.
- Папян Л.Ю. Словесный ряд в структуре текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». М.: Изд-во МГОУ. 2009. № 4. С. 120–124.
- Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы. XIX в. М.; Л.: Наука, 1965.
- Schlegel A.W. Lectures on Dramatic Art and Literature [1808]. Trans. by John Black. 2nd ed. London: G. Bell & Sons, Ltd., 1892.

Секиро Ольга Олеговна, Институт лингвистических исследований РАН, 199053, г. Санкт-Петербург; Тучков пер. д. 9; аспирант; email: olgasekiro@yandex.ru

Для цитирования. Секиро О.О. Лексическая сочетаемость с прилагательным *органический* в публицистике И.С. Аксакова: *органический порок* и *органическая фальшь* // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 293–303. DOI 10.30842/26583755202011

References

- Belinskiy V.G. Poln. sobr. soch.: v 13 t. / AN SSSR, In-t rus. literatury (Pushkin. dom). M., 1953–1959 (In Russ.).
- Veselitskiy V.V. Otvlechennaya leksika v russkom literaturnom yazyke XVIII – nachala XIX v. / Otv. red. N.Yu. Shvedova; AN SSSR, In-t rus. yaz. M.: Nauka Publ., 1972. (In Russ.)
- Vinogradov V.V. Osnovnyye tipy leksicheskikh znacheniy slova // Vinogradov V.V. Izbrannyye trudy. Leksikologiya i lixicografiya / Otv. red. V.G. Kostomarov; AN SSSR, Otd. lit. i yaz., M., 1977. (In Russ.)
- Gorshkov A.I. Russkaya stilistika i stilisticheskiy analiz proizvedeniy slovesnosti. M.: Lit. in-t Publ., 2008. (In Russ.)
- Klushina N.I. Intentsionalnyye kategorii publitsysticheskogo teksta (na materiale periodicheskikh izdaniy 2000–2008 gg.: avtoref. dis. ... d. filol. nauk. M., 2008. (In Russ.)
- Leksika russkogo literaturnogo yazyka XIX – nachala XX veka / Otv. red. F.P. Filin; AN SSSR. M.: Nauka Publ., 1981. (In Russ.)
- Papayan L.Yu. Slovesnyy ryad v structure teksta // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya». M.: MGOU Publ. 2009. №4. S. 120–124. (In Russ.)
- Sorokin Yu.S. Razvitiye slovarnogo sostava russkogo yazyka. 30–90-e gody. XIX v. M.; L.: Nauka Publ., 1965. (In Russ.)
- Schlegel A.W. Lectures on Dramatic Art and Literature [1808]. Trans. by John Black. 2nd ed. London: G. Bell & Sons, Ltd., 189

Olga O. Sekiro, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, PhD student; 9 Tuchkov per., 199053, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: olgasekiro@yandex.ru

For Citation: Sekiro O.O. (2020). Lexic combination with adjective *organicheskij* in I.S. Aksakov's publicism: *organicheskij porok* and *organicheskaya fal'sh*. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography], 3, pp. 293–303. DOI 10.30842/26583755202011 (In Russ.)